

В. А. Томсинов

Император Павел Первый
(1754–1801):
государственный деятель
и законодатель

Опубликовано в издании:

**Законодательство императора Павла I / Составитель, автор
предисловия и биографического очерка В. А. Томсинов. —
М.: Зерцало, 2008. С. XV–LXIV.
(Серия “Русское юридическое наследие»).**

Император Павел Первый

(1754–1801):

государственный деятель

и законодатель

Государственная деятельность императора Павла I обыкновенно представляется в учебниках по истории России хаотичной, лишённой какого-либо плана или замысла, определяемой всецело лишь свойствами его характера¹. Естественно, что Павел I изображается при этом как деспот, тиран, чье правление всего лишь случайный и весьма неприятный эпизод в русской истории — не более того. Историки избегают применительно к нему таких наименований, как «реформатор» и «законодатель».

Такой взгляд на императора Павла I и его государственную деятельность традиционен. Истоки этой традиции легко обнаруживаются в мемуарах тех деятелей, которые пребывали на российской государственной службе или находились при императорском дворе в эпоху Павлова царствования. Так, например, граф А. И. Рибопьер утверждал в своих воспоминаниях, что «царствование Павла I походит на бурю, которая все вырывает, все уничтожает, все обе-

---

¹ «В действиях Павла I, сменившего на престоле Екатерину, во многих случаях отсутствовала преемственность, — пишут в своем учебнике «История России» Ш. М. Мунчаев и В. М. Устинов. — Правительственные меры этого времени соответствовали личности императора — человека капризного, деспотичного, переменчивого в своих решениях, легко поддававшегося необузданному гневу и столь же легко менявшего гнев на милость» (*Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. Учебник для вузов. М., 1997. С. 120*). См. подобные оценки правления Павла I также в книгах: *Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1901; М., 1996; Любавский М. К. Царствование Павла I // Три века. Том 5. XIX век. Первая половина. М., 1996. С. 95*. О том, что император Павел правил, не следуя никаким уставам, «кроме своей прихоти», «казнил без вины, награждал без заслуг», писал в своей записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» историк Н. М. Карамзин.

зображивает, ничего не преобразуя»¹. «Россия сильно страдала, находясь под управлением своего рода маньяка»², — писал о Павле I в своих мемуарах ближайший сподвижник Александра I князь А. Чарторижский. По его словам, «император Павел вел свое государство быстрыми шагами к неисчислимым потерям, к упадку, к полной дезорганизации сил страны и существовавшей тогда правительственной машины... Император Павел правил вспышками, скачками, порывами, без всякой связи, не смущаясь совершенно последствиями; правил как человек, который не дает себе никогда труда размыслить, взвесить все за и против, который приказывает и требует немедленного исполнения всякой фантазии, приходящей ему на ум. Его царствование стало, в конце концов, царствованием настоящего террора»³. Подобные мнения о Павле I можно встретить также в мемуарах А. М. Тургенева (1772–1863)⁴, Ф. П. Лубяновского (1777–1834)⁵, Л. Н. Энгельгардта (1766–1836)⁶ и др.

Действительно, император Павел I отличался импульсивностью в поведении, часто бывал категоричен в своих оценках действий тех или иных должностных лиц, был подвержен резким переменам в своем настроении и т.п. Однако любопытно, что эти свойства его характера, о которых так много говорится в мемуарной литературе, не нашли сколько-нибудь заметного отражения в Павловых указах, приказах и распоряжениях.

Мемуаристы, а вслед за ними и многие историки обвиняли Павла I в том, что он беспрестанными перемещениями должностных лиц, производимыми в угоду лишь собственному капризу, многочисленными возвышениями и увольнениями полностью расстроил систему управления империей. Кроме того, ему приписывали жестокость выше меры в обращении с сановниками-чиновниками. Обратившись к текстам именных указов и высочайших приказов императора Павла I, мы увидим, что немалое их число посвящено

¹ Русский архив. 1877. Кн. 1. С. 480.

² Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Том 1. М., 1912. С. 211.

³ Там же. С. 212.

⁴ См.: Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1885. Том 48. № 11. С. 265–274.

⁵ См.: Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. М., 1872. С. 91.

⁶ См.: Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М., 1867. С. 198–199.

увольнениям и наказаниям должностных лиц, но каждый такой императорский акт вполне обоснован.

К примеру, по указу Павла Сенату от 11 августа 1797 года тайный советник граф Чернышев исключался из службы за то, что «наделав долгов, отказывается от платежа оных». Указ Павла I Сенату от 1 марта 1800 года гласил: «Санкт-Петербургской палаты суда и расправы 2-го департамента членов за медленность решения дел повелеваем отрешить, а секретарей судить; на места же отрешенных выбрать и определить немедленно других». Указом от 2 марта 1800 года выключался из службы Санкт-Петербургский гражданский губернатор Глинка «за найденные в здешних присутственных местах разные упущения в делах, медленность в решении оных и собственную его непопечительность и нерадение к должности». Но особенно примечателен был Павлов указ Сенату от 12 апреля 1800 года. Вот его текст: «По донесению сенаторов Спиридова и Лопухина, осматривавших Вятскую губернию, о найденных беспорядках и упущениях, а особливо по полиции, от злоупотребления слабости которой, сверх частных притеснений, угнетен народ, повелеваем **всех** чиновников оной губернии, переменя другими, от должностей отрешить, и об упущениях их, злоупотреблениях и беспорядках настрожайше исследовать и виновных судить» (выделено мой. — В. Т.). По указу от 29 декабря 1800 года отставлялся от службы Белорусский гражданский губернатор тайный советник Северин и опять-таки не без серьезного на то основания — «за многие смертоубийства, в губернии им управляемой, случившиеся».

Документальные материалы опровергают и содержащиеся в мемуарной литературе различные высказывания о неспособности императора Павла I управлять государством — о том, в частности, что Павел «правил как человек, который не дает себе никогда размыслить, взвесить все за и против, который приказывает и требует немедленного исполнения всякой фантазии, приходящей ему на ум». На основании сохранившихся записок Павла Петровича и текстов его императорских указов можно с уверенностью утверждать, что он вступил на престол, имея конкретную программу действий, сложившуюся в основных своих чертах еще к концу 80-х годов XVIII века. Данную программу, предполагавшую целую систему преобразовательных мер в области гражданской администрации и управления армией, суда и полиции, промышленности и тор-

говли, дворянского землевладения и крепостного права, император Павел настойчиво проводил в жизнь.

В 1774 году молодой Павел — ему исполнилось тогда 20 лет — подал своей августейшей матушке — императрице Екатерине II записку под названием *«Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты онаго, и касательно обороны всех пределов»*. Этот документ выражал политическое кредо цесаревича, его мнения о путях и способах преобразования системы управления Российской империи. Павел Петрович доказывал в названной записке, что для улучшения состояния дел в империи необходимо прежде всего отказаться от наступательных войн и перейти к сугубо оборонительной политике. Он предлагал организовать военные поселения, в которых обучение военному делу и военная служба сочетались бы с производительным трудом. В войсках следовало, по его мнению, навести строгий порядок, предписав каждому, «начиная от фельдмаршала, кончая рядовым, все то, что должно им делать». Если же, пояснял молодой реформатор, благодаря введению по всему государству строгой централизации, все — и фельдмаршал, и солдат — должны будут испрашивать особые высочайшие разрешения на каждый случай, не предусмотренный инструкцией, то «через таковое ограничивание все будут несравненно довольнее и охотнее к службе, потому что *не будут страдать и видеть себя подчиненными прихотям и неистовствам частных командиров*, которые всем сим скверняют службу и вместо приохочивания удаляют всех от ней» (курсив мой. — В. Т.).

В конце рассматриваемой записки Павел Петрович постарался объяснить, какими мотивами он руководствовался, высказывая свои суждения о реформе государственного управления. «Показав теперь, — отмечал он, — все то, что к равновесию потребно, и какую военная часть связь и пропорцию иметь должна в рассуждении всего государства... совершил намерение себя сделать полезным государству, писав сие от усердия и любви к отечеству, а не по пристрастию или корысти, в такое время, где, может быть, многие, забыв первые два подвига, заставившие меня писать, следуют двум последним, а что больше еще, и жертвуя всем тем, чего святее быть не может. А сему я был сам очевидцем и узнал сам собою вещи и как верный сын отечества молчать не мог». Эти трогательные слова говорят о характере молодого Павла больше, чем тома мемуаров о

нем. Любовь к отечеству для него есть то, «*чего святее быть не может*». Это святое чувство — главный двигатель его натуры.

Вместе с тем цесаревич Павел признавался в том, что его рассуждения навеяны не учеными книгами, не учителями, а наблюдением за происходящим вокруг него.

Оба эти признания вполне отражали характер того воспитания, которое Павел получил в годы своего детства и отрочества. Основные направления данного воспитания, его характер были predeterminedены императрицей Елизаветой Петровной. Как известно, на роль главного воспитателя Павла ею был избран в 1760 году граф Н. И. Панин¹. Этот выбор не был случайным. Объясняя его, престарелая императрица прямо ссылалась на присущую графу Панину верность и любовь к отечеству.

Князь П. А. Вяземский, характеризуя Н. И. Панина, подчеркивал, что воспитатель молодого великого князя, «*всецело оставаясь, как он был, дипломатом и министром иностранных дел, не только руководился в области политики русскими стремлениями и началами, но он был чисто русский, с ног до головы. Ум его напитан был, народными, историческими и литературными преданиями. Ничто, касавшееся России, не оставалось для него чуждым или безразличным. Поэтому-то он любил свою страну не тою тепловатою любовью, не тем корыстным и эгоистическим инстинктом человека, занимающего видное место и любящего свое отечество, потому что он любит власть, но он любил Россию с той пламенной и животворною преданностью, которая возможна лишь тогда, когда человек привязан к своей родине всеми узами, всем сродством, порождающими общность интересов и симпатий, общность, в которой выливаются, в одной и той же любви, прошедшее, настоящее и будущее отечества*». Только тогда можно любить и хорошо служить своей стране и своему народу, сознавая в то же время их недостатки, странности и пороки и борясь против них всеми своими силами и всеми имеющимися в распоряжении средствами. Всякая другая любовь — лю-

---

¹ Формально первым главным воспитателем Павла был Ф. Д. Бехтеев, назначенный на эту роль императрицей Елизаветой Петровной 19 октября 1758 г. Павлу незадолго перед этим исполнилось 4 года. Однако Бехтеев, едва успев обучить цесаревича грамоте, тяжело заболел и в 1761 г. умер. 28 июня 1760 г. руководство воспитанием своего внука Елизавета Петровна вверила 42-летнему Н. И. Панину.

бовь слепая, бесплодная, безрассудная и даже пагубная»¹ (курсив мой. — В. Т.).

В «Инструкции обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче господину генералу порутчику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину», составленной 24 июня 1761 года, Елизавета Петровна обращала его особое внимание на необходимость привить Павлу любовь к отечеству. «Желая, чтобы его высочество исполнен был, если можно, равныя² любви к отечеству, какову мы к оному сохраняем, поручаем мы оное имянно особливому попечению вашему, яко *главный вид и намерение в воспитании его высочества* и яко существительной долг, коим он ему обязан. А как человек любит вещь, когда он знает ея достоинство и дорожит оною, когда видит, что польза его состоит в сохранении оной, то надлежит предпочтительно пред другими науками подать его высочеству совершенное знание об России, показать ему с одной стороны из дел прошедших и нынешних, особливо родителя нашего времени, изящные качества Российского народа, неустрашимое его мужество в войне, непоколебимую его верность и усердие к отечеству, а с другой стороны плодородие и почти во всем изобилие пространных Российских земель, и, наконец, надежные отечества нашего достатки и сокровища, кои оно в недрах своих сохраняет, так что нет нужды думать о награждении каких-либо недостатков постороннею помощью, а толь меньше вымышленными человеческою хитростию способами, но когда только употреблен будет небольшой труд и прилежание, то сверх того продовольствования можно еще избытками помогать другим народам. Показав же все сие, истолковать притом его высочеству неразрешимыя обязательства, коими *жребий его навеки соединен с жребием России* и что слава его и благополучие зависят единственно от благосостояния и знатности его отечества»³ (курсив мой. — В.Т.).

Русская история полна парадоксов. Племянник Никиты Ивановича Панина — сын его брата Петра — граф Никита Петрович

¹ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 42–43.

² Я сохраняю орфографию оригинального текста инструкции, напечатанного в 1881 г. в журнале «Русский архив» (Кн. 1. № 1. С. 18–21).

³ Инструкция обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче господину генералу порутчику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину // Русский архив. 1881. Кн. 1. № 1. С. 19–20.

Панин станет идейным вдохновителем заговора сановников, который погубит императора Павла. Причем погубит, в конечном счете, именно за стремление Его Величества провести в жизнь, невзирая ни на какие обстоятельства, те идеи, которые внушил ему когда-то его наставник Никита Иванович Панин.

Вскоре после своего назначения на должность главного наставника малолетнего великого князя Павла Н. И. Панин составил для императрицы Елизаветы специальную записку, в которой изложил свое мнение о характере и основных направлениях его воспитания. Содержание данной записки показывает, что граф Панин предполагал, в частности, давать Павлу знание законов и науки государственного управления. Он писал о том, что обучение законам есть, «несомненно, важнейший пункт доброго воспитания, — следовательно, избранной к тому наставник должен иметь речь внятную и ласковую, душу прямую и бескорыстную, рассудок здравый, и был бы чужд всякого предубеждения и суеверства...»¹.

Кроме того, по мнению графа-наставника, воспитание его высочества должно было включать в себя также изучение истории. Эта наука, указывал Панин, «по справедливости почитаема лучшим руководством для тех, кои рождены к общему благополучию, и потому она достойна особого места в сем воспитании и начаться должна без упущения времени нарочными краткими и внятными сочинениями — предпочтительно о своем отечестве»². В заключительной же части своей записки Н. И. Панин высказывал мнение о том, что по достижении Павлом Петровичем тех лет, в которые он «всем пристойным наукам сам обучаться изволит в обыкновенном порядке», «будет весьма полезно учинить особое рассуждение, каким способнейшим образом приступить к прямой государственной науке, то есть к познанию коммерции, казенных дел, политики внутренней и внешней, войны морской и сухопутной, учреждений мануфактур и фабрик и прочих частей, составляющих правление государства его, силу и славу монарха»³.

¹ Панин Н. И. Всеподданейшее предьявление слабого понятия и мнения о воспитании Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича // Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 509.

² Там же. С. 510.

³ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 510.

Начертанная графом Паниным программа воспитания великого князя Павла была одобрена императрицей Елизаветой, однако выполнить ее на практике оказалось невозможным. Смерть Елизаветы, переход царской короны к Петру III, свержение и убийство последнего в результате заговора и восшествие на российский императорский престол в конечном итоге всех этих событий Екатерины II резко изменило положение Павла при царском дворе. Престарелая императрица Елизавета видела в нем наследника царской короны — в глазах молодой императрицы Екатерины II Павел был политической фигурой, таившей в себе потенциальную угрозу для ее положения на вершине власти. В основном именно по этой причине обучаться политике, науке государственного управления Павлу пришлось самостоятельно¹.

Сохранившиеся документальные материалы показывают, что в течение 70–80-х годов — в возрасте между 16 и 30 годами — великий князь Павел Петрович немало времени проводил в чтении произведений философов и мемуаров известных политических деятелей. Причем особое внимание он уделял современным ему французским мыслителям — идеологам Просвещения. К примеру, труд Шарля Луи Монтескье «О духе законов» стал на некоторое время даже его настольной книгой. Из мемуарной литературы большой интерес у молодого Павла вызвали «Мемуары» кардинала де Реца² и «Записки» герцога де Сюлли³.

¹ Н. К. Шильдер сообщает в своей книге об императоре Павле Петровиче о том, что учитель молодого великого князя Павла Семен Порошин готовил для своего ученика обширный труд под названием «Государственный механизм», но не успел его завершить, поскольку был отставлен. См.: *Шильдер Н. К. Император Павел Первый*. СПб., 1901. С. 55.

² Полное имя кардинала де Реца — Жан Франсуа Поль де Гонди (1613–1679). Первое русское издание «Мемуаров» этого французского политика времен королей Людовика XIII и Людовика XIV появилось в 1794–1796 гг. Оно было опубликовано в пяти частях. (См.: «Записки кардинала де Реца, содержащие в себе наидостопамятнейшие происшествия во Франции в продолжение первых лет царствования Людовика XIV. Часть I, переведенная с французского языка Никанором Облеуховым. В Калуге, с указного дозволения 1794 года».) Великий князь Павел Петрович читал французское издание его мемуаров.

³ Полное имя — Максимилиан де Бетюнь, герцог Сюлли (1566–1641). Прославился в качестве талантливейшего государственного деятеля Франции (и, пожалуй, всей Европы) времен правления королей Генриха IV и Людовика XIII. Занимал должности начальника Бастилии, главного инспектора пу-

О том, какие книги и какие мысли, высказанные в них, привлекали к себе внимание молодого Павла, можно судить по многочисленным выпискам его высочества из данных книг.

Так, из «Мемуаров» кардинала де Реца Павел выписал следующие мысли:

28 ноября 1778 года — «Когда правители государств не ведают ни их основных законов, ни свойственных им нужд, с ними случается несчастье»¹.

26 декабря 1778 года — «По правилам политики, ничего нет хуже, как брать слишком много на себя. За это свет весьма редко бывает благодарен. Добрых намерений не следует простираť слишком далеко»².

При чтении «Записок» герцога де Сюлли внимание великого князя Павла Петровича остановилось на следующих изречениях французского государственного деятеля:

«Все слова великого государя должны до такой степени быть ненарушимы, чтобы не было повода даже и к мысли — сомневаться в его честности»³.

«В какие тревобления способен впасть государь нерешительный, робкий и ленивый! Для государства нет ничего хуже характера нерешительного. В трудных обстоятельствах не должно предоставлять все на волю случая или все отнимать у него; но, избрав цель по разумном и холодном размышлении, надобно стараться направить все свои действия к ее достижению»⁴.

«Первый закон для государя — соблюдение всех законов. Выше его самого — два повелителя: Бог и Закон. Правосудие должно восседать на престоле, кротость должна быть прочнейшею его опорой... Что касается до подданных, первый закон, налагаемый на них, как

тей сообщения и дворцов, суперинтенданта, генерал-фельдцейхмейстера, генерал-инженера, губернатора Пуату, умер в звании маршалла Франции. Его обширные (3-томные) «Записки», насколько мне известно, не издавались на русском языке.

¹ Собственноручные выписки и заметки великого князя Павла Петровича с ноября 1778 г. по январь 1779 г. из записок Ретца // Русская старина. 1874. № 7. С. 552.

² Там же. С. 556–557.

³ Русская старина. 1874. № 8. С. 737.

⁴ Там же.

религиею, так природою и рассудком, есть, бесспорно, — послушание. Они должны уважать, бояться, чтить своих государей... Подданные обязаны питать эти чувства к государям из признательности за спокойствие и за все те блага, которыми они пользуются под покровом царского имени»¹.

«Одно из главнейших правил монархического правления заключается в том, чтобы государь всего более остерегался доводить своих подданных до неповиновения ему, не только на деле, но даже и на словах»².

Павел, взойдя на престол, вознамерился править по-своему, никому не угождая, не считаясь с интересами каких-либо сановных группировок. Еще в 1776 году он писал: «Если бы мне надобно было образовать себе политическую партию, я мог бы молчать о беспорядках, чтобы пощадить известных лиц, но, будучи тем, что я есмь, — для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое». Это стремление к полной самостоятельности в принятии решений, причем и самых ответственных, от которых зависит судьба целой страны, было заложено в характере Павла. Его замечали даже те, кто имел с ним лишь короткое знакомство.

В 1782 году великий князь Павел, будучи со своей супругой в заграничном путешествии, посетил Флоренцию и провел там некоторое время в общении с великим герцогом Леопольдом. Впечатления, вынесенные из знакомства с наследником российского престола, путешествовавшим по Европе под именем графа Северного, флорентийский правитель немедля изложил в письме к своему брату, тогдашнему главе «Священной Римской империи» Иосифу II. «Граф Северный, — писал великий герцог Леопольд о Павле, — кроме большого ума, дарований и рассудительности, обладает талантом верно постигать идеи и предметы и быстро обнимать все их стороны и обстоятельства. Из всех его речей видно, что он исполнен желанием добра. Мне кажется, что с ним следует поступать от-

¹ Русская старина. 1874. № 8. С. 740.

² Там же. С. 741.

кровенно, прямо и честно, чтобы не сделать его недоверчивым и подозрительным. Я думаю, что он будет очень деятелен, в его образе мыслей видна энергия. Мне он кажется очень твердым и решительным, когда остановится на чем-нибудь, и, конечно, он не принадлежит к числу тех людей, которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою». Сходное мнение о Павле, но уже в то время, когда он пребывал на престоле, высказывали и его соотечественники. «На Павла нелегко было иметь влияние, ибо, считая себя всегда правым, он весьма упорно держался своих мнений», — отмечал Н. А. Саблуков (1776–1848).

Вряд ли уже возможно с точностью установить, насколько достоверны сведения о том, что при своем восшествии на императорский престол Екатерина давала обещание уступить его своему сыну по достижении им возраста восемнадцати лет. Однако несомненно, что с 1772 года, когда Павел вошел в пору своего совершеннолетия, императрица Екатерина должна была привлечь его как наследника императорского престола к участию в управлении государством. Это было неписаное правило для всякой венценосной семьи, и, как показывают мемуары российских сановников, все они были уверены, что именно так и будет. И Ее Величество действительно допустила своего сына к ведению государственных дел, но только в предельно ограниченных рамках — Павлу была предоставлена лишь возможность исполнять канцелярские обязанности по его званию генерал-адмирала и правомочие на командование тем кирасирским полком, в котором он числился полковником.

Сообщая Павлу о том, какими делами он может заняться, Екатерина писала ему: «Сверх сего, приходите ко мне за советом так часто, как признаете в том необходимость; я скажу вам правду со всею искренностию, к какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольным, выслушав ее, понимаете? Вдобавок, чтобы основательнее занять вас, к удовольствию общества, я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые вы будете приходите ко мне *один* для выслушания бумаг, чтобы ознакомиться с положением дел, законами страны и моими правительственными началами: устраивает это вас?»¹

¹ Цит. по: *Шумигорский Е. С.* Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 31.

Биограф Павла I историк Е. С. Шумигорский, процитировав это письмо Екатерины, заметил, что «разрешая цесаревичу являться к себе на час или два в неделю для занятий государственными делами, императрица нечувствительно выразила свои опасения: она созналась, во-первых, что эти занятия были бы “к удовольствию общества”, и, во-вторых, ограничила эти занятия беседами глаз на глаз, требуя, чтобы сын приходил к ней “один”. Это было, следовательно, не участие в управлении государством, а слушание лекций по этому управлению...»¹.

Однако сохранившиеся документы позволяют сделать вывод о том, что беседы императрицы Екатерины с цесаревичем Павлом не всегда сводились к лекциям по государственному управлению. Содержание некоторых из этих бесед дошло до нас в записях самого Павла. Так, 12 мая 1783 года состоялся разговор его императорского высочества со своей матушкой-государыней о занятии Крыма и о выборе короля Станислава Понятовского в наследники короля польского. Павел в следующих словах описывает разговор о Крыме: «Сего дня, мая 12, 1783 г., будучи по утру у Государыни, по прочтении депешей, читан был объявительной манифест о занятии Крыма. Сей манифест будет всему свету известен, то я о сем ничего и не пишу. Когда сие чтение кончилось, я, встав, сказал: должно ожидать, что турки на сие скажут.

Государыня: Им ничего отвечать не можно, ибо сами пример подали занятием Тамана и генерально неисполнением Кайнарджицкого трактата»².

Беседу с государыней императрицей Екатериной о наследнике польской короны Павел записал в виде следующего диалога:

«Государыня: Я тебе скажу откровенно и как императрица Российская, что для блага России, а особливо по силе Польши, желать надобно, чтоб она наследственную не была, дабы силы не имела и с нею перекинуться к другой державе не могла.

Я: Но чтоб другие вместо нас того же с Польшею, по нынешнему ее состоянию, делать не захотели.

---

¹ Шумигорский Е. С. Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 32.

² Разговор императрицы Екатерины II с великим князем Павлом Петровичем // Русская старина. 1873. № 11. С. 652.

Государыня: Я тебе скажу, что для сего надобно попасть на человека приятного нации и не имеющего связей; в доверенности я тебе скажу, что сего у меня на примете есть уже племянник королевский князь Станислав, которого качества и тебе и мне известны.

Я: На сие не мог иначе отвечать, как со удовольствием.

Государыня: Прошу о сем не говорить. Я и сама никак ему даже виду не подаю, чтоб дела прежде времени не испортить.

Я: Но чтоб таковое молчание, приведя его в неизвестность о будущем его состоянии, не заставило перекинуться на другую какую-нибудь сторону?

Государыня: Всегда время будет его поворотить, предоставляя такую перспективу¹.

Приведенную запись своего разговора с императрицей Екатериной Павел сопроводил весьма примечательным восклицанием — «Доверенность мне многоценна, первая и удивительна». Из этих слов следует, что подобные беседы Екатерины II со своим сыном — наследником императорского престола — были редким исключением.

Впоследствии Павел неоднократно жаловался людям, с которыми имел доверительные отношения, на то, что ничем не занят. Правда, в возрасте 30-ти лет его императорское высочество получил более широкие возможности проявить себя на поприще управления. Своим указом от 6 августа 1783 года императрица Екатерина передала во владение Павла мызу Гатчину с 20-ю окрестными деревнями. Осенью того же года Павел переселился сюда вместе со своей супругой Марией Федоровной. За короткий срок он превратил Гатчину в настоящее мини-государство, создав здесь свою администрацию, свое войско — мини-армию². Многие из того, что Павел делал в Гатчине, он, став императором, будет стараться осуществить в Петербурге. Однако Гатчина была для Павла скорее монастырем, в котором он мог спрятаться от враждебного ему двора императрицы Екатерины, нежели школой государственного управления. Для главы государства искусство государственного управления — это прежде всего умение управляться со своими сановни-

¹ Русская старина. 1873. № 11. С. 652–653.

² См. подробнее о деятельности Павла в Гатчине: *Томсинов В. А.* Аракчев. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 60–82.

ками и чиновниками, умение держать их в узде и побуждать действовать в интересах государства. Овладеть этим искусством невозможно, не познав мир бюрократии. Но чтобы познать этот странный мир, нужно было жить в нем.

Павел, кажется, вполне сознавал это и стремился при малейшей возможности вырваться из своего монастыря по имени «Гатчина».

В сентябре 1787 года началась очередная война России с Турцией, и Павел решил направиться в действующую армию. В письме к императрице от 10 сентября он просил Ее Величество позволить ему отправиться в армию «в качестве волонтера». Екатерина стала отговаривать Павла от этого намерения. Завязалась переписка между императрицей, с одной стороны, и Павлом и его супругой, с другой. Наконец, в конце ноября 1787 года Екатерина уступила настоятельным просьбам Павла и дала свое согласие на его отъезд. Готовясь к опасной для себя, с его точки зрения, поездке в воюющую армию, великий князь Павел написал 4 января 1788 года три завещательных письма своей жене Марии Федоровне и одно письмо — своим детям. Все эти письма очень важны для понимания не только личности Павла, но и его политических воззрений. Но особенно интересна для характеристики Павла как реформатора и законодателя обширная записка, составленная им к середине января указанного года. Она содержала особое «предписание» Павла о порядке управления Россией на случай, если он погибнет и российским императором будет после смерти Екатерины провозглашен его старший сын Александр.

Павлу так и не удалось выехать на войну с Турцией. Императрица Екатерина уговорила его отложить отъезд до мая месяца 1788 года — времени предполагаемых родов его супруги. А спустя полтора месяца (30 июня) разразилась война России со Швецией, и Павел в начале июля месяца отправился в Финляндию. Но и на войну со шведами ему попасть не удалось. Главнокомандующий русской армией граф Мусин-Пушкин просто-напросто не пустил цесаревича на театр военных действий. Павел остался в живых, и его завещание не было соответственно введено в действие.

Однако мысли, которые он начертил в своих завещательных письмах и в предписании о порядке управления государством, не

остались бумажными мыслями. Взойдя в ноябре 1796 года на императорский престол, Павел I предпримет попытку осуществить многое из того, что он изложил в указанных письмах и предписании.

Официальный биограф императора Павла I историк Н. К. Шильдер, сообщая о завещательных письмах Павла, умолчал о его предписании относительно порядка управления государством. Между тем документ этот коренным образом меняет широко распространенный взгляд на императора Павла I как на человека, не способного управлять государством, действовавшего на вершине государственной власти сугубо произвольно, без какого-либо плана или программы, подчиняясь лишь собственным капризам.

Публикуя в 1867 году на страницах журнала «Вестник Европы» тексты завещательных писем Павла и его предписания о порядке управления государством, историк М. Семевский подчеркивал, что указанные документы «важны, как для характеристики Павла I, так еще более для уяснения многих законоположений, обнародованных этим государем в течение четырехлетнего его царствования»¹.

«Предписание о порядке управления государством»², хотя и составлялось великим князем Павлом в спешке, не было собранием скороспелых мыслей. Оно содержало идеи, выработанные его высочеством в результате многолетних размышлений об организации государственного управления в России, внутренней и внешней политики самодержавной власти. Ряд этих идей были намечены Павлом еще в его письмах к Никите Ивановичу Панину, написанных за 10–15 лет до составления вышеуказанных предписаний. Среди бумаг Павла сохранился листок, на котором начертан список различных вопросов государственного управления, похожий на план большой работы на тему государственной политики. Сопоставление этого списка с текстом «Предписания о порядке управления государством», составленного Павлом в январе 1788 года, показывает, что данное «Предписание» изложено во многом в соответствии с указанным списком. Содержание последнего интересно тем, что

¹ Материалы к русской истории XVIII в. // Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 322.

² При публикации этого документа в журнале «Вестник Европы» он был обозначен как «Наказ» (см.: Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 316–322).

обнаруживает истинный масштаб Павлова государственного мышления. Вот темы, которые цесаревич Павел намеревался рассмотреть в своем произведении:

«1. О правлениях, их преимуществах и неудобствах, особливо относительно до нашей земли.

2. О образе правления.

3. О законе фундаментальном и о наследстве.

4. О прочих законах.

5. О правительствах верховных.

6. О государевом совете.

7. О чинах, составляющих оный, и о их должностях. Здесь следуют мысли о каждой особенно.

8. О духовенстве.

9. О дворянстве.

10. О среднем состоянии.

11. О крестьянстве.

12. О воспитании и нравах.

13. О школах и училищах.

14. О торговле.

15. О мануфактурах, фабриках и о прочих ремеслах.

16. О вине и соли.

17. О рудах и заводах.

18. О государственных, заводских, экономических и дворцовых крестьянах.

19. О доходах.

20. О долгах.

21. О государственном кредите.

22. О государственных и партикулярных долгах.

23. О расходах.

24. О доброй вере.

25. О безопасности общей и полиции земской и городской.

26. О политическом положении России.

27. То же по связям и обстоятельствам.

28. Какая генеральная политика ее от сего?

29. Чем приобрести большее уважение к себе и доставить большую безопасность?

30. К чему все сие?

31. О военной силе.

32. О морской силе.

33. О силе государственной и о ресурсах на все»¹.

Приведенный список показывает, что Павел стремился вникнуть во все основные сферы государственной политики.

Структура «Предписания о порядке управления государством» почти полностью совпадала с перечнем тем, данных в списке. Текст «Предписания» был разделен на тридцать три статьи, содержание которых вполне соответствовало названиям тем, обозначенных в списке.

Так, в статье первой «Предписания» говорилось: «Предмет каждого общества — *блаженство каждого и всех. Общество не может существовать, если воля каждого не будет направлена к общей цели.* Для того правительство, правительства разного рода. Лутчее² то, которое ближайшим способом преимущественно достигает до своего предмета. Из того разные роды правления рождаются. Чем больше земля, тем способы исполнения труднее, следственно первое попечение должно быть облегчать их. Самое простое облегчение сего рода препоручение исполнения одному, но связано с неудобствами человечества»³ (курсив мой. — В. Т.). Очевидно, что здесь шла речь именно о тех вопросах, которые были названы в пункте 1-м вышеуказанного списка-плана.

Статья вторая «Предписания» гласила: «*Положив правила кем земле быть управляемой, должно сказать, что нет лутчего образа как самодержавной, ибо соединяет в себе силу Законов и скорость власти одного*»⁴. Пункт второй списка-плана называл в качестве темы образ правления.

Каждая статья «Предписания о порядке управления государством» содержала сугубо практическую рекомендацию относительно действий государственной власти в той или иной сфере общественной жизни. В своей совокупности данные рекомендации составляли контуры программы реформ, призванных укрепить Российское государство. Многие мероприятия этой программы были впоследст-

¹ Русский архив. 1882. № 1. С. 396–397.

² Здесь и далее при цитировании сочинений Павла сохранена орфография текста оригинала.

³ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 316.

⁴ Там же.

вии — после того, как Павел взошел на престол — претворены им в жизнь.

Так, статья третья рассматриваемого «Предписания» рекомендовала «положить Закон, кому имянно быть Государем»¹. Данный закон был принят 5 апреля 1797 года, в день коронации императора Павла I. «Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества и положенный для хранения на престоле Успенского собора»² закрепил новый порядок престолонаследия, согласно которому в случае смерти императора престол передавался его старшему сыну и т. д. При этом лица женского пола отстранялись от наследования престола. Основные принципы данного порядка престолонаследия были прописаны Павлом еще 4 января 1788 года в завещательном письме к супруге Марии Федоровне³. Рекомендуя в «Предписании» «положить Закон, кому имянно быть Государем», Павел уже тогда хорошо представлял себе содержание данного закона.

Статья четвертая «Предписаний о порядке управления государством» содержала рекомендацию об упорядочении российского законодательства. «Законы у нас есть, но в порядок привести в их смысле. Новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением, а указы почитать просто Учреждениями, а не Законами»⁴. Немногим более месяца после своего восшествия на императорский престол — 16 декабря 1796 года — Павел I своим высочайшим указом поручил генерал-прокурору А. Б. Куракину «собрать в Уложенной Комиссии и во всех архивах изданные дотоле узаконения и составить из них три книги законов Российской империи: уголовных, гражданских и казенных дел»⁵. По-настоящему развернуть работы по систематизации российского законодательства и составить уложения Павел I не успел. Но не удалось сделать этого и его преемнику на императорском престоле Александру I, несмотря на то, что работы по составлению систематических сборников российских законов велись на протяжении всего Александрова царствования, то есть четверть века без малого. Быстрота же,

¹ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 316.

² См.: с. 120 настоящего издания.

³ См.: Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 308–309.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ См.: с. 9 настоящего издания.

с которой были составлены в первые годы правления императора Николая I «Полное собрание...» и «Свод законов Российской империи», объясняется именно тем, что составители этих сборников использовали результаты работ по систематизации российского законодательства, проводившихся во времена царствований императоров Павла I и Александра I.

Статьи пятая, шестая и седьмая «Предписания» выражали намерения Павла упорядочить исполнительную власть. Здесь шла речь о Правительствующем Сенате и Государственном совете. Осуществление этих мер выпало на долю Александра I. В его правление был создан постоянно действующий при императоре Государственный совет и намечалась реформа Сената, был подготовлен даже соответствующий законопроект, однако император Александр по ряду причин не ввел его в действие.

Статья восьмая «Предписания» была посвящена дворянству. «Сказав о способах непосредственных к достижению предмета общества, то есть блага утверждением законов, — сказать должно, — заявлял Павел: — сие состояние законы утверждают. Таково первое дворянство. Оно подпора государства и государя и для того при дать ему уважения, не допуская в него лишних членов или недостойных и имея с государем равный интерес должно его на службу обращать»¹. Менее месяца спустя после своего восшествия на императорский престол — 4 декабря 1796 года — Павел I издал указ «О запрещении правительствам самим собою вводить в дворянское достоинство и выдавать на оное грамоты без Высочайшего утверждения»². 20 января 1797 года им был издан указ «О составлении общего дворянских родов гербовника»³. 14 декабря того же года император Павел установил своим высочайшим приказом правило, согласно которому дворяне, определенные на военную службу, служили в качестве рядовых не более трех лет⁴. Интересам дворянства соответствовали и другие законодательные установления императора Павла⁵.

¹ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 317.

² 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 17 608.

³ 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 17 749.

⁴ 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 18 267.

⁵ См., например: 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 17 534, 17 588, 17 624, 17 916; Т. 25. № 18 486 и др.

Вместе с тем ряд Павловых законодательных актов ущемлял в той или иной мере дворянские интересы. Подлинное отношение Павла I к дворянству лучше всего, пожалуй, выражают заключительные слова Манифеста от 18 декабря 1797 года, которым Его Величество объявлял об учреждении императорского вспомогательного банка для дворянства. «... Ласкаемся Мы приятною надеждою, — торжественно заявлял Павел I, — что дворянство всей Нашей империи, ощутив истинную цель благих Наших намерений, ко спасению их самих и их потомства стремящихся, обратит щедроту Нашу во благо, искупить имения свои из рук корыстолюбивых ростовщиков, заплатит все свои долги, и тем возвращая доброе имя и полное к себе доверие, усугубит попечения свои на распространение всякого рода полезного хозяйства, а паче и паче сокращая в домах своих излишества, роскошию внушаемые, прилепится к похвальной умеренности»¹. Приведенные слова Манифеста от 18 декабря 1797 года выражали мысль, которую Павел высказывал еще в «Предписании о порядке управления государством». В статье двадцать второй этого документа говорилось: «Долги государственные и партикулярные выводят вещи сии из баланса, и так их мало помалу истребляют, а особливо последние, ибо разоряют частных людей, происходят от роскоши и порчи нравов, и так все сие разом прекращать, одно для другого, зачиная с корня»².

Статья девятая «Предписания о порядке управления государством» была посвящена духовенству. Павел отмечал здесь, что святость должностей этого сословия «столь уважения достойна и для того заслуживает особенного внимания и присмотра, дабы понятие о боге учили в прямой силе, а не суеверию»³.

В статье десятой рассматриваемого документа говорилось о среднем сословии. Павел выражал в ней свое желание, чтобы характерные для представителей этого сословия «промыслы свободно текли для государства и для них собственно»⁴. В тесной связи с данной статьей находились статьи с четырнадцатой по семнадцатую, в которых идет речь о большом значении для государства тор-

¹ 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 18 274.

² Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 319.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же.

говли, мануфактурного и фабричного производства, рудного дела и т. д.¹

Статья одиннадцатая содержала рекомендацию относительно крестьянства. «Крестьянство, — утверждал Павел, — содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно, особого уважения достойно и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его, из благодарности Отечества и для того, чтоб тем лутче трудились и государство имело тем вернее снабжение»². Стремление к улучшению быта крестьян станет одним из направлений внутренней политики Павла после его восшествия на императорский престол.

Манифестом от 5 апреля 1797 года император Павел I повелел «всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам». Одновременно с этим Его Величество выразил в Манифесте свое мнение о том, что для работ крестьян в пользу помещиков достаточно трех дней³. В исторической литературе данный Манифест именуется «Манифестом о трехдневной барщине», при этом часто утверждается, что он «установил трехдневную барщину»⁴. На самом деле император Павел не устанавливал трехдневную барщину, но всего лишь высказал мнение о том, что трех дней вполне достаточно для работ крестьян на помещиков. Однако рекомендательная форма изложения этой нормы не должна вводить в заблуждение — Павел I часто выражал свои повеления в форме пожеланий, но это не мешало ему строго требовать их исполнения.

16 февраля 1798 года император Павел своим высочайшим указом ввел запрет на продажу крепостных крестьян без земли. Указом от 29 ноября 1798 года Его Величество предоставил крестьянам, ищущим свободы, право подачи личной апелляции в высшие

¹ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 318.

² Там же. С. 317.

³ Дословно в Манифесте по этому поводу говорилось следующее: «... Для сельских изделий остающиеся шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям» (см.: с. 120 настоящего издания).

⁴ Так пишет, например, историк М. Семевский в своих комментариях к «Наказу» Павла (Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 326).

государственные учреждения на решения судебных палат, оставляющих их во владении помещиков, в том случае, если губернские прокуроры не опротестуют такие решения¹.

Крестьяне восприняли даже столь ограниченные меры по улучшению их быта как свидетельство того, что император Павел стремится полностью освободить их от крепостного гнета помещиков. Опасаясь, что подобные настроения крестьян могут побудить их к волнениям, Павел принял ряд законодательных актов, упрочивающих крепостное право².

Статья девятнадцатая «Предписания о порядке управления государством» также весьма примечательна для характеристики государственного мышления Павла. «*Государственные доходы*, — заявлял он здесь, — *Государства, а не Государя*, и составляя богатства его, составляют целость и так знак, и способ благополучия Земли. Они двоякие: или с земли, или с промысла. Перьвые держать соразмерно возможности с надобностию, ибо уделяются от имений частных людей. Другие — поощрять, ибо основаны на трудах и прилежании, всегдашние средства силы и могущества земли. Поощрение сие одобрение и способствование»³ (курсив мой. — *В. Т.*).

Большое место в «Предписании» занимали рассуждения Павла о внешней политике Российского государства. Павел особо подчеркивал, что внешнее положение России должно быть сообразно с ее физическим и моральным положением. «Чтоб сие равновесие соблюсти, — заявлял он в статье двадцать седьмой «Предписания», — надлежит нам смотреть прилежно, с кем прилично быть в связи и в какой. Связи суть разные, обязательств, которые вечны, быть не могут, а по обстоятельствам государственным переменяются, и для того их никогда таковыми не делать. Нужды, которым сами собою ряждаются⁴ по разным случаям. Родства, которыя никогда не должны заставлять забывать прямого государственного интереса и суть последняя всегда, ибо обыкновенно идут на персону»⁵. В статье двадцать восьмой Павел продолжал данную свою мысль: «Из сего видно, что перьвой политической предмет требует,

¹ 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 17 809.

² См.: 1-ПСЗРИ. Т. 25. № 18 353, 18 395; Т. 26. № 19 250 и др.

³ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 319.

⁴ Так в тексте. — *В. Т.*

⁵ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 320.

чтоб не давать никому над собою воли и не входить ни в чьи интересы и виды слепо, желая, чтоб соседи наши были в равновесии, дабы никто не мог угрожать вольности другого; а соблюдать беспристрастием и поведением, основанном на правосудии, благоразумии и твердости, уважение и доверенность к Государству. За сим следует прямое, политическое благосостояние»¹ (курсив мой. — В. Т.).

Содержание статьи двадцать девятой «Предписания о порядке управления государством» логично дополняло содержание предыдущих статей. «Показав таким образом, в чем политическая цель состоит, — пишет Павел, — теперь должно сказать, как до сего предмета достичь можно. Доброю верою в поведении, которое на первом быть должно на честности основано. Союдами в севере с державами, которым больше в нас нужды, а местничества с нами иметь не могут; военною силою, приведя в непоколебимое сильное состояние пропорциональным количеством и дисциплиною; не входя нигде в дело прежде времени и за других»².

Военной силе Государства Российского Павел специально посвятил статью тридцать первую своего «Предписания». «Пространство земли нашей, — подчеркивал он, — требует большую оборонительную силу, а тем паче и наступательную; но препятствует сему малое количество жителей по таковому пространству, и так, заключаясь в возможности, должно государство иметь военную силу свою расположенною по четырем главным границам и внутри. Иметь их, в сообразность соседей, достаточно всем нужным снабженных, всегда комплектных, ибо от некомплекта земля большой урон терпит, или ложным счетом обороны или безвременным, скорым и сильным набором»³.

В статье тридцать второй «Предписания» Павел говорил о необходимости для России, окруженной «со многих сторон морями», иметь флот «на каждом из сих морей». По его словам, для сухопутных и морских сил «надобны арсеналы, запасы всему по разным частям и школы для военных наук. Притом войски и флоты учить, и Государю смотреть»⁴.

¹ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 321.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 322.

Подводя итог своим рассуждениям об устройстве Государства Российского, Павел заявлял: «Когда все части государства будут приведены порядком до равновесия, в котором должны быть, чтоб оное могло не разрушимо и не вредимо стоять, тогда можно будет сказать, что прямо направлено общество на прямой путь свой блаженства каждого и всех, что согласно с законом Божиим и следственно не может не иметь благословенья во всем *Его вышней Десницы*»¹. Таким образом, Павел ясно выражал мнение о том, что укрепление Российского государства необходимо не ради этого государства — крепкое государство составляет, по его убеждению, важнейшую предпосылку роста благосостояния российского общества.

В «Предписании о порядке управления государством» нашли свое отражение основные положения разработанной Павлом программы государственных реформ. Ряд этих положений был впоследствии изложен Павлом более подробно в серии специальных записок об организации различных отраслей государственного управления. Так, в одной из таких записок Павел развивал идею создания министерств, выраженную в самой общей форме в седьмой статье «Предписания»: «Государство имеет 7 главных департаментов, кроме Сената, яко главного трибунала, о котором будет говорено особо, которые составляют правление онаго: 1) Юстиции, 2) Финанции, 3) Военной, 4) Иностранной, 5) Морской, 6) Коммерц, 7) Казна. Каждый из оных имеет своего Министра»². По замыслу Павла, министры должны были составить «Совет», выступающий как учреждение «не законодательное, а единственно для в помощь³ и сношение как Государю, так и Министрам»⁴. В записке об устройстве Сената Павел намечал преобразование этого учреждения в высшую судебную инстанцию. «Сенат Я полагаю быть единственно судебным местом, к которому бы шли дела чрез подчиненные места на конфирмацию во всех казусах, которые не во власти нижних судебных мест»⁵. Далее Павел отмечал, что «Сенат должен быть раз-

¹ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 322.

² Записка Императора Павла I об устройстве разных частей государственного управления // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее: Сборник ИРИО). Т. 90. СПб., 1894. С. 1–2.

³ Так написано в тексте цитируемой записки Павла. — В. Т.

⁴ Сборник ИРИО. Т. 90. С. 2.

⁵ Собственноручная записка Императора Павла I об устройстве Сената // Сборник ИРИО. Т. 90. С. 146.

делен, как судебное место, на два департамента: департамент уголовной и департамент гражданский»¹.

Став императором, Павел без промедления приступил к преобразованию административной системы Российской империи в направлении, определенном в «Предписании» и упомянутых записках. По словам исследователя административной реформы Павла I историка М. В. Ключкова, «в короткий четырехлетний промежуток времени (в течение которого Павел находился на императорском троне. — *В. Т.*) в центральном управлении произошел, благодаря мероприятиям Павла, быстрый переход от коллегиального управления к единоличному, министерскому, и не доставало еще одного шага, чтобы завершить это здание и на развалинах старых рухнувших коллегий закончить по выработанному плану постройку новых, более современных и удобных учреждений, министерств»².

Павел I не успел осуществить в сколько-нибудь полной мере задуманные им преобразования системы российского государственного управления. Не успел он провести в жизнь и многие другие свои замыслы. Кратковременность пребывания Павла на императорском троне была одной из главных причин этому. За четыре года и четыре месяца, отведенные Павлу судьбой на царствование, невозможно было и при самом удачном стечении обстоятельств выполнить ту обширную программу реформ, которую он разработал и осуществление которой считал жизненно необходимым для укрепления Российского государства. Между тем условия, в которых Павел вступил на императорский престол, были чрезвычайно неблагоприятны для проведения крупномасштабных реформ.

В последние годы своего царствования императрица Екатерина II почти перестала заниматься делами государственного управления. Рассмотрение приходивших на ее имя докладов сановников о состоянии тех или иных частей администрации, различных просьб, жалоб, записок и т.п. она возложила на особо приближенных к Ее Величеству лиц. Естественно, что именно эти лица и принимали необходимые решения, которые императрица утверждала своей подписью.

¹ Сборник ИРИО. Т. 90. С. 146.

² Ключков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Петроград, 1916. С. 115.

Из дневника статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого¹ видно, что с 1792 года одним из таких лиц был тогдашний фаворит императрицы и будущий убийца Павла I П. А. Зубов. Именно через Зубова шло производство в новые чины, назначения на должности. «Вот какое чрез Зубова вышло произвождение, — отмечает в своем дневнике в записи от 22 сентября 1792 года А. В. Храповицкий: — Камергеры и Действительные Статские Советники десятилетние пожалованы в Тайные Советники; их 10, да 9 Сенаторов, и вышло помещение в Губернаторы и Вице-Губернаторы»². 1 января 1793 года Храповицкий записал: «Чрез Зубова вышли доклады Гвардейские, произвождение воинское и статское десятилетним, не свыше как в четвертый класс»³.

Многие доклады сановников по государственным делам месяцами, а то и годами лежали в кабинете императрицы Екатерины II нерассмотренными. По ним, соответственно, не принималось никаких решений. Если на 1 января 1790 года по общему собранию и департаментам Сената числилось 8283 нерешенных дела (за год решалось приблизительно девять-десять тысяч дел), то в конце 1796 года по Сенату имелось 14 233 нерешенных дела. За этот период ровно наполовину — с 42 021 до 63 672 — возросло количество нерешенных дел по губерниям⁴. Известный писатель, мемуарист и ученый-энциклопедист Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) отмечал в своих записках, что «небрежение господ сенаторов простиралось даже до невероятности и до того, что иные лет по пять сряду в Сенат не приезжали и не заглядывали в оный; а посему какова можно было ожидать успеха?» По его словам, в царствование Екатерины в обществе господствовало убеждение в том, «что нужно было только какому делу попасться в Сенат, как и пошло оно на бесконечные века...». Прусский посланник в Санкт-Петербурге генерал Гребен доносил своему королю сразу после восшествия на

¹ Александр Васильевич Храповицкий (1749–1801) пребывал при императрице Екатерине II с 1 января 1783 г. до 2 сентября 1793 г.

² Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. Издание полное, с примечаниями Г. Н. Геннади. М., 1862. С. 275.

³ Там же. С. 280.

⁴ См.: *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. С. 103.

императорский престол Павла I: «В двадцать последних лет предыдущего царствования всевозможные части управления приходят в упадок: правосудие, финансы, военное дело, одним словом, все отрасли управления направлялись так, что за границей невозможно даже составить себе представление об этом. Первым печальным последствием этого недостатка надзора явилось повсеместное нерадение со стороны всех должностных лиц к отправлению их обязанностей. Обширные и пространные помещения департаментов посещались лишь мышами и крысами. Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в еде, попойках и игре, а ночи в самых грязных оргиях. Отсюда проистекало взяточничество в обширных размерах, безнаказанно господствовавшее во всех отраслях управления, военного и гражданского; отсюда же проистекали бесчисленные злоупотребления, которые, в виду этой обстановки, нетрудно представить себе. Вот наименее преувеличенная картина России в момент восшествия на престол Павла I-го»¹.

Печальное состояние российского государственного управления в последние годы царствования Екатерины II с ужасом воспринималось сыном Павла великим князем Александром. «В наших делах господствует неимоверный беспорядок, — писал он 10 мая 1796 года своему другу графу В. П. Кочубею², — грабят со всех сторон; все части управляются дурно, порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов».

В плачевном состоянии находилась в конце Екатерининского правления и прославленная своими победами русская армия. Финансовые средства, отпускавшиеся из государственной казны на содержание войск, разворовывались различными начальниками, а часто просто-напросто расходовались впустую. В условиях отсутствия какого-либо надзора со стороны высших властей многие офицеры и генералы, вместо того, чтобы находиться в полках и заниматься обучением солдат, развлекались в столице или отдыхали в своих имениях, исправно получая при этом полагавшееся им за службу

¹ Цит. по: *Буцинский П. Н.* Отзывы о Павле I-м его современников. С. 13.

² Виктор Павлович Кочубей (1768–1834), известный государственный деятель периода правления Александра I, первый министр внутренних дел России (с 8 сентября 1802 г. до 24 ноября 1807 г.). В рассматриваемое время чрезвычайный посланник императрицы Екатерины II в Константинополе.

жалованье. Армейские начальники доходили даже до того, что привлекали подчиненных им солдат на хозяйственные работы в своих имениях, нередко оставляя боевые полки вообще без личного состава. Штабы, получившие в условиях анархии последних лет царствования Екатерины небывалую самостоятельность, сделались привлекательнейшим местом службы. Каждый влиятельный вельможа стремился пристроить своего отпрыска непременно в штабные офицеры, в связи с чем штабной персонал разрастался до небывалых размеров¹. В стадии разложения находились даже гвардейские полки. А. Т. Болотов следующим образом охарактеризовал в своих записках состояние, в котором они пребывали накануне восшествия на императорский престол Павла I: «Нельзя изобразить, в каком странном и удивительном положении была до сего гвардия, и коль многие злоупотребления во всем господствовали в высочайшей степени в оной. Ежели б все то изобразить, то составила бы прелюбопытная картина для потомства; и потомки наши не только б стали удивляться, но едва ли б в состоянии были поверить, чтоб все то существовало в самом деле, и скорее могли бы подумать, что то выдуманная баснь и совершенная небывальщина; ибо что касается до самых рядовых, то они, живучи толь многие десятки лет неподвижно на одном месте и неся единое толь почти звание службы и отправляя единые толь караулы, совсем изнежились и так избаловались, что с трудом можно было с ними ладить...»². Любая попытка изменить такой образ службы, привести гвардию в сносный порядок неизбежно вызывала недовольство в ее среде. А между тем, как показывала русская история XVIII века, гвардия была силой, способной произвести государственный переворот.

---

¹ Каким же образом русская армия могла при таком своем состоянии одерживать победы на полях сражений? На этот вопрос ответил в своих записках знаменитый генерал эпохи Александра I А. П. Ермолов, начинавший свою военную службу при Екатерине II: «Способность главнокомандующего, русская удаль, петровская дисциплина, опытность частных войн, при 25-летнем сроке службы, и привычка к лишениям всякого рода — вот элементы, которые вели русские войска к победам; обучение же было из той степени, что бывшие наши полководцы сами принимались обучать к ним поступающие полки, и Суворов переучивал их по-своему».

² Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты Государя Императора Павла Петровича. (Из записок А. Т. Болотова) // Русский архив. 1864. Вып. 5–6. Стлб. 607–608.

Ш. Массон¹ сообщал в своих записках, что гвардейские полки², находившиеся под начальством родовитейшей знати империи, «страшились» восшествия на императорский престол великого князя Павла и «смотрели на его приход к власти как на конец своего существования. Павел даже не скрывал своего отвращения к ним, и величайшим оскорблением, к которому прибегал, разговаривая со своими офицерами и даже солдатами на маневрах в Гатчине и Павловском, были такие слова: “Ты не годишься никуда, кроме службы в гвардии”»³.

С воцарением Павла жизнь чиновников гражданской администрации и армейского начальства резко изменилась. Новый император энергично взялся за наведение порядка в государственном управлении. Чиновник Ф. П. Лубяновский⁴ прибыл в Санкт-Петербург на третий день царствования Павла I и был поражен произошедшей переменой в административных учреждениях. «В канцеляриях, департаментах, в коллегиях везде на столах свечи горели с 5 часов утра; с той же поры в вице-канцлерском доме, что был против Зимнего дворца, все люстры и камины ярко пылали, сенаторы в 8 часов утра сидели за красным столом»⁵. «Надобно сказать правду, — отмечал в своих записках чиновник Д. П. Рунич, — что все отрасли управления были при Павле значительно упорядочены по сравнению с прежним. Продажность должностных лиц не могла быть искоренена сразу; по крайней мере, правосудие не продавалось более с публичного торга»⁶.

---

¹ Шарль Франсуа Филибер Массон (1762–1807) — француз, состоявший в 1787–1796 гг. на службе в России. Занимал должности преподавателя Артиллерийского и Инженерного Шляхетского кадетского корпуса (в одно время с А. А. Аракчеевым), адъютанта Президента Военной коллегии Н. И. Салтыкова, секретаря великого князя Александра Павловича.

² Лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский и Конный полки.

³ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С.124.

⁴ Федор Петрович Лубяновский (1777–1834), чиновник, окончил юридический факультет Московского университета, с ноября 1802 г. секретарь при Министерстве внутренних дел, в 1819 г. был назначен Пензенским губернатором.

⁵ Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. М., 1872. С. 94.

⁶ Записки Д. П. Рунича // Русское обозрение. 1890. № 8. С. 656.

В отличие от престарелой Екатерины Павел старался самолично вникать во все дела. Об этом пишут в своих мемуарах многие сановники, служившие при императоре Павле. Наиболее интересным является свидетельство П. Х. Оболянинова, занимавшего со 2 февраля 1800 года должность Генерал-прокурора. «Павел был много начитан, — вспоминал Петр Хрисанфович, — знал закон, как юрист, и при докладах вникал во все подробности и тонкости дела. Нередко он спорил с докладчиком. Если по делу кто-либо обвинялся, то Павел оправдывал его или выискивал обстоятельства к извинению преступления; в тяжбах брал сторону того, кому отказывалось в иске; требовал от докладчика указать ему факты в деле или прочитать подлинник бумаги. Словом, он был в полном смысле адвокатом истца или ответчика. Иногда Государь вспыхивал и докладчик забывал, с кем имеет дело, так что спор доходил до шума и криков... Горе было тому докладчику, который увеличивал преступление обвиняемого, неточно или лукаво излагал дело! Но если докладчик побеждал Павла истиною доводов и брал верх правдивостью взгляда, то император бывал чрезвычайно доволен. “Хорошо, благодарю вас, — говаривал он в таких случаях, — что вы не согласились со мной, а то вам досталось бы от меня!”»¹

Предметом особых забот императора Павла I была армия. Желая как можно скорее утвердить в русской армии необходимый порядок, он резко упростил процедуру издания распоряжений по войскам. Свои приказы, отдаваемые при пароле на вахт-парадах, государь повелел считать именными указами. Они доводились до сведения армии сразу же после издания, тогда как прежде все распоряжения по войскам проходили через военную коллегию, и их объявление в армии задерживалось на месяцы, а то и годы.

Все производства в чины, назначения на должности и перемещения Павел взял на себя и уже одним этим ограничил произвол начальства. Вместе с тем император установил правило, по которому каждые две недели ему предоставлялись отчеты о состоянии войск с именными списками офицеров и с отметками о взысканиях.

---

¹ Рассказы П. Х. Оболянинова об императоре Павле // Русская старина. 1874. № 9. С. 165–166.

Для усиления контроля за армейским судопроизводством Павел учредил 9 января 1797 года должность генерал-аудитора, призванного состоять непосредственно при особе императора.

Армейские штабы Павел I подверг прямо-таки хирургической операции — он решительно и безжалостно отсекал все лишнее в них отrostки, размножившиеся в последние годы правления Екатерины II. Полчища штабных начальников были рассеяны им по боевым полкам. Тысячи же солдат, находившихся в личном услужении у своих начальников, были высочайшим приказом от 22 ноября 1796 года возвращены в полки. «Граф Александр Васильевич! — писал император Павел 10 декабря того же года генерал-фельдмаршалу Суворову. — Дав уже повеление Наше о немедленном собрании к своим полкам и командам тех нижних воинских чинов, кои по злоупотреблениям, до сего вкравшимся, находились в частных услугах по деревням, дачам и домам, так как и излишних сверх положенного числа денщиков, нужным почитаю чрез сие подтвердить всем инспекторам, в том числе и вам, дабы в дивизии, вами командуемой, выше изображенное повеление Наше в самой точности и без малейшего замедления исполнено было, что Мы возлагаем на особое ваше наблюдение и взыскание, пребывая, впрочем, вам благосклонны».

Уважая Суворова как полководца, Павел I не прощал ему, как и всем, административных прегрешений. Так, 23 января 1797 года император издал следующий приказ: «Присланный от фельдмаршала графа Суворова капитан Мерлин определяется в Ригу в гарнизонный полк, а фельдмаршалу графу Суворову делается выговор за присылку курьером из военнослужащих и без всякого дела».

Одновременно со всеми вышеуказанными мерами новый император вводил в русской армии новые уставы, разработанные им еще в Гатчине. Роль инструкторов при обучении командиров новым правилам несения военной службы призваны были выполнять гатчинские офицеры.

Перемены в армии с приходом к власти Павла I оказались не менее резкими, чем в гражданской администрации. «Образ нашей жизни офицерской после восшествия на престол императора Павла совсем переменялся, — вспоминал граф Е. Ф. Комаровский, — при императрице мы помышляли только, чтобы ездить в общество,

театры, ходить во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе; и учили нас всех, как рекрут»¹.

Стремление Павла I навести порядок в гражданском управлении и в армии встречало поддержку в русском обществе. Нижние гражданские и армейские чины быстро ощутили на себе благие последствия Павловой политики. Они стали в полной мере получать жалованье за службу, вышестоящие начальники в страхе перед Павлом умерили произвол в отношении своих подчиненных. Население не только столиц, но и провинций также почувствовало облегчение от попыток императора Павла утвердить законность, ограничить произвол сановников. Первые же отставки сановников и в том числе недавно еще всемогущих, особо приближенных к императрице Екатерине, вельмож² показали всем, что намерения нового императора навести порядок в государственном управлении Российской империи были весьма серьезными. Сановники впервые, быть может, со времен Петра I стали бояться за свою судьбу. По свидетельству Адама Чарторижского, Павел внушал страх «всем чиновникам своей империи, и эта общая утраченность имела благодетельные последствия. В то время как в Петербурге, в центре управления, общая неуверенность в завтрашнем дне терзала и волновала все умы, в провинциях губернаторы, генерал-губернаторы и все военные, боясь, чтобы злоупотребления, которые они позволяли себе, не дошли до сведения императора, и чтобы в одно прекрасное утро, без всякого разбора дела, не быть лишенным места и высланным в

¹ Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 37.

² Фаворит Екатерины II П. А. Зубов был утвержден новым императором в своих должностях (более 13-ти), более того Павел в знак своего благоволения даже подарил ему один из своих мундиров. Но вместе с тем Его Величество распорядился опечатать канцелярию екатерининского любимца. Изучение находившихся в ведении Зубова дел подтвердило слухи о допусках им вопиющих злоупотреблениях. Особенно возмутили Павла злоупотребления, допускаявшиеся Зубовым в отношении армии. 29 декабря 1796 г. император Павел издает следующий именной указ: «За приведение в несостояние сестрорецких оружейных заводов, оказавшихся таковыми, по случаю не отделили лейб-гвардии на преображенский полк ружей, а потом конной гвардии разных вещей, взыскать с генерал-фельдцейхмейстера князя Зубова такую сумму, какая артиллерийскою канцеляриею исчислена и Сенату представлена будет». (Указы, распоряжения и резолюции императора Павла. 1796–1801 гг. // Русская старина. 1873. № 4. С. 495.) В результате фаворит Екатерины II был отправлен в отставку с приказом удалиться из России на два года за границу.

какой-нибудь из городов Сибири, стали более обращать внимания на свои обязанности, изменили тон в обращении с подчиненными, избегали позволять себе слишком вопиющие злоупотребления»¹. По признанию Чарторижского, довольно критически относившегося к Павлу I, «в его царствование русские должностные лица менее злоупотребляли властью, были более вежливы, более сдержаны в своих дурных наклонностях, меньше крали, отличались меньшей грубостью, даже в польских провинциях»².

В этой резкой перемене в положении сановников-чиновников, произошедшей с переходом от правления Екатерины II к правлению Павла I, таилась вместе с тем и серьезная опасность для Павловых реформ. Стремясь защититься от неведомого им прежде и оттого непривычного и невыносимого страха, российские сановники-чиновники стали представлять Павла I императором-деспотом, рассказывать друг другу о сотнях заточенных в темницы и сосланных в Сибирь чиновниках. Этот миф отразился впоследствии в многочисленных мемуарах. Император Павел предстал в рассказах мемуаристов то жестоким тираном, маньяком, то капризным ребенком, а то и просто сумасшедшим. Вот наиболее типичный образчик таких рассказов, приводимый в записках А. М. Тургенева³. «Ужасно вспомнить! — восклицает этот мемуарист при описании правления Павла I. — Четыре года ожидать ежеминутно бедствия, быть во всегдашнем треволнении духа и не быть уверенным — правильны ли, точны ли данным повелениям действия в исполнении, ибо все зависело от каприза, прихоти, как видим избалованного ребенка, который царапает лицо кормилице за то, что подаренная ему кукла не отвечает на его лепетанье. Такой быт хуже каторги — нет! Несноснее смерти!... Каждое утро, от генерала до прапорщика, все, отправляясь на вахт-парад, шли как на лобное место. Никто не знал, что его там ожидает. Ссылка в Сибирь, заточение в крепость, затворение и всегдашнее безмолвие, как в могиле, в номере неизвестных»⁴.

¹ Мемуары Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. С. 120.

² Там же. С. 212.

³ Александр Михайлович Тургенев (1772–1863), чиновник, в 20-е гг. XIX в. губернатор одной из сибирских губерний. Свои мемуары писал в 1848 г.

⁴ Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1885. № 11. С. 265.

Ф. П. Лубяновский, отметив в своих воспоминаниях, что эпоха правления Павла I в среде чиновничества имела различные названия, пишет далее: «Называли ее, где как и требовалось: торжественно и громогласно — возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса — царством власти, силы и страха; втайне между четырьмя глазами — затмением свыше»¹.

Сам по себе этот распространявшийся по канцеляриям миф об императоре Павле не был опасен для Его Величества. Не из страха сановников за свою участь, не из их недовольства действиями Павла на троне родился заговор против него. Корни данного заговора находились, как убедительно свидетельствуют многие факты, вообще за пределами России. Тем не менее миф об императоре-деспоте сыграл роковую роль в судьбе несчастного русского императора. Идя на убийство Павла, заговорщики могли не беспокоиться о том, как оправдать свое преступление в глазах русского общества. Указанный миф давал им такое оправдание.

А в целом миф убивал не только самого императора, но его реформы. В лживом свете данного мифа их истинный смысл терялся. Павловы реформы представляли в карикатурном виде — как конвульсии некоего безумца.

История заговора, погубившего Павла I, до сих пор еще остается во многих своих важнейших аспектах неразгаданной тайной. На основании сведений, сообщенных самими заговорщиками и теми, кто находился в роковую ночь с 11 на 12 марта 1801 года в Михайловском замке, историки составили близкую к реальности картину того, **как** убивали императора². Но не смогли дать ответа на главный вопрос — за **что** его убили.

Сами заговорщики, рассказывая об убийстве Павла, представляли свое деяние в качестве подвига, спасшего Россию от тирании сумасшедшего властителя³. Эта версия причин заговора широко рас-

¹ Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. С. 91.

² Эта картина представлена в целом ряде книг. См., например: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб., 1901 или М., 1996; *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1986.

³ Так, один из руководителей заговора граф Пален говорил в 1804 г. А. Ф. Ланжерону о том, что «в последнее время сумасшествие Павла стало кровожадным; никто из нас не был уверен хотя бы за один день своей жизни, скоро бы везде стали воздвигать плахи, и вся Сибирь была населена несчастными». (Цит. по: *Ковалевский П. И.* Психиатрические эскизы из истории в двух томах. Т. 1. М., 1995. С. 463).

пространилась в мемуарной литературе. Приняли ее впоследствии и многие историки, и в том числе даже официальный биограф российских императоров Н. К. Шильдер¹, имевший доступ ко многим секретным документам царского архива.

Психиатр П. И. Ковалевский (1849–1923), исследовав психику Павла I по описаниям его характера, данным в мемуарной литературе, поставил следующий диагноз: «Умственная жизнь Павла отличается отсутствием предохранительной сосредоточенности, внимания и настойчивости, быстротою сильных впечатлений, отрицательностью, одиночностью, неожиданностью, нелогичностью, непоследовательностью, асистемностью, но она лишена остроты, сообразительности и понимания. В его нормальном мышлении мы замечаем склонность к бреду, мнительности, подозрительности, символизации и преследования. В нем была очень развита фантазия, и царило воображение. Он склонен был к мистицизму, предчувствию и проч. Его умственная жизнь была подчинена эмотивной области. Страсти и чувствования царили над всем. Его воля была подчинена чувствам. Его волевые действия были игрищем страстей. Но эти страсти были неизмеримо выше страстей Петра III. Он проявлял любовь к семье, жене, друзьям. Поэтому его должно отнести к дегенератам высшим, к дегенератам второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования»². Надо ли доказывать, что этот диагноз относится скорее к мемуарной литературе о несчастном императоре, нежели к самому этому императору. Рассмотренные нами заметки и записки Павла выдают в нем человека весьма рассудительного, способного мыслить вполне логично и системно.

Историк В. О. Ключевский не принимал версии о сумасшествии Павла, но и он усматривал в его характере ненормальность. «Иные считали и считают Павла душевнобольным человеком. Но это мнение только оправдывает непростительное царствование, а не объясняет несчастного характера царя», — писал он. Приговор историка гласил: «Павел был просто нравственно ненормальный царь, а не душевнобольной человек. Душевная болезнь невменяе-

¹ См.: Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 446–448.

² Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории в двух томах. Том 1. С. 471–472.

ма, как несчастье, а за ненормальный образ действий человек отвечает, как за порок, до которого он сам довел себя по собственной вине. Вина Павла состояла в том, что он не хотел знать правил человеческого общежития, обязательных для всякого человека, на каком бы общественном посту ни стоял он»¹.

Из всех этих оценок выходит, что смертью от рук заговорщиков Павел ответил за свою душевную или нравственную ненормальность. Ключевский писал о действиях заговорщиков: «...Пришли, убили и ушли, все оставив по-прежнему, все предоставив преемнику. Бросили камень в стоячее болото; оно всплеснулось, побудоражилось, потом уравновесилось и стало прежней зеркальной гладью...»² Но если все осталось «по-прежнему», в чем заключался тогда смысл убийства императора Павла? Неужели его убили только для того, чтобы освободить престол для другого, более нормального, человека?

Заговорщики всегда склонны скрывать истинную цель своего заговора. Впрочем, зачастую они и сами не вполне осознают ее и руководствуются в своих действиях различными мелкими побуждениями. И нередко так получается, что в заговоре соединяются люди, каждый из которых имеет свои собственные мотивы участия в нем, отличающиеся от тех, что движут другими заговорщиками.

Именно это произошло в рассматриваемом случае. В заговоре против Павла объединились такие прагматичные, лишенные каких-либо идейных устремлений люди, как Л. Л. Беннигсен³, П. А. Па-

¹ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Том 5. М., 1989. С. 411.

² Там же. С. 412.

³ Леонтий Леонтьевич (Левин Август Теофил) Беннигсен (1745–1826), родом из Ганновера, на русской службе с 1774 г., в феврале 1798 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Сыграл решающую роль в убийстве российского императора Павла. Люди, знавшие Беннигсена, неизменно отмечали в своих мемуарах его хладнокровие. «...Длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя командора из «Дон Жуана», — писала о нем княгиня Д.Х. Ливен (Царевийство 11 марта 1801 г. СПб., 1908. С. 181). «...Высокий, сухощавый, с длинным лицом и орлиным носом, с видной осанкой, прямым станом и холодной физиономией», — характеризовал Беннигсена А. Ф. Воейков (Исторический сборник Вольной русской типографии. Кн. 2. Лондон, 1861. С. 126). Но лучше всех сказал о главном убийце Павла А. И. Тургенев — «длинный как шест, сухой, хладнокровный, как черепаха».

лен¹, братья П. А. и Н. А. и В. А. Зубовы² и др. Участвуя в заговоре, каждый из них преследовал свой особенный эгоистический интерес, имевший мало общего с интересами Российского государства. Каждый таил на императора Павла какую-либо мелкую обиду, ощущал себя в чем-то обделенным Его Величеством.

То же самое можно сказать и о Н. П. Панине³ с О. М. Рибасом⁴, которые, по мнению ряда современников и последующих историков, первые выдвинули мысль совершения государственного переворота для возведения на императорский престол цесаревича Александра Павловича⁵. И тот и другой считали себя незаслуженно обиженными императором Павлом. Н. П. Панин писал 19 апреля 1799 года С. Р. Воронцову: «От моего дяди (Никиты Ивановича

---

¹ Петр Алексеевич Пален (1745–1826), генерал от инфантерии, в марте 1801 г. Санкт-Петербургский военный губернатор. «Он был душою заговора против своего благодетеля», — писал о Палене Ф. Ф. Вигель, называя его при этом «старым, преступным временщиком» (*Вигель Ф. Ф. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989. С. 445*). По удивительному совпадению Беннигсен и Пален — два иностранца на русской службе, ставшие во главе заговора против императора Павла, — родились и умерли в одни и те же годы.

² Платон Александрович Зубов (1767–1822), бывший фаворит Екатерины II, с 23 ноября 1800 г. директор Сухопутного кадетского корпуса в С.-Петербурге. Николай Александрович Зубов (1763–1805), с конца 1800 г. директор 2-го кадетского корпуса. Валериан Александрович Зубов (1771–1804), с конца 1800 г. шеф Сумского гусарского полка, размещенного в столице.

³ Панин Никита Петрович (1770–1837), с 27 сентября 1799 г. являлся вице-канцлером, 15 ноября 1800 г. был отставлен с должности, а спустя несколько дней и выслан из С.-Петербурга в свое имение Петровско-Разумовское, находившееся близ Москвы. 16 февраля 1801 г. ему было отправлено генерал-прокурором Оболяниновым уведомление о высочайшем разрешении посещать обе столицы.

⁴ Осип (Иосиф) Михайлович Рибас (1749–1800), адмирал, испанец на русской службе, 12 ноября 1800 г. был назначен Павлом на должность помощника вице-президента Адмиралтейств-коллегии. 2 декабря того же года внезапно скончался.

⁵ Об этом прямо пишет в своих записках Л. Л. Беннигсен (Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825). С. 29). А. Ф. Воейков подчеркивает в своих записках: «Не граф Пален зачинщик заговора против императора Павла, первая мысль была графа Никиты Петровича Панина» (Из записок Ф. Ф. Воейкова. Материалы для биографии императора Павла I. Лейпциг, 1874. С. 79). Историк Н. К. Шильдер указывает в своей книге о Павле I, что графа Н. П. Панина «следует признать творцом заговора, начавшегося в 1800 г.» (*Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 449*).

Панина, главного воспитателя великого князя Павла. — *В. Т.*) осталось долгу 320 000 руб...; великий князь знал это и торжественно обещал моему отцу уплатить все долги моего дяди лишь только взойдет на престол. Мой отец умер в 1789 году; хотя он уплатил часть долгов дяди, оставил мне еще 180 000 руб. долгу. Погашение этой суммы в банке отнимает у меня ежегодно 15 000 руб. доходу, и это заставляет меня делать новые долги. Среди потока щедрот, изливаемых с трона, только один забыт — это наследник фамилии, в отношении которой приняли на себя формальное обязательство».

Общество человеческое так странно устроено, что все в нем возможно. И для кого-то мелкая обида может быть вполне достаточным мотивом для совершения крупного преступления. Но вышеозначенные персоны не относились к числу столь безрассудных людей. Тот факт, что они решились на участие в таком смертельно опасном предприятии, как заговор против своего императора, означает только одно — за их мелкими обидами стояла некая значительная сила.

Эта сила обнаруживает себя в той самой главной цели заговора против императора Павла, которой бессознательно служили заговорщики, служа сознательно своим корыстным интересам. Но что составляло данную цель?

Очевидно, что цель заговора — в его результате. В тех переменах, которые он несет с собой. Убийство Павла I имело своим непосредственным следствием возведение на российский престол нового императора. Но только ли в замене одного самодержца другим заключался результат заговора?

Безусловно, после убийства императора Павла I произошли определенные перемены во внутренней политике российской самодержавной власти, на высшие должности в системе управления империей пришли новые люди — молодые аристократы, друзья нового императора. Развернулась административная реформа. Но все эти перемены были малозначительными, а реформа государственного управления происходила по общему плану, начертанному императором Павлом.

По-настоящему существенные перемены убийство Павла I произвело только в одной области — во внешней политике Российской империи.

В последний год своего правления Павел I осуществил, пожалуй, самую серьезную по своему влиянию на судьбу России реформу, которая затрагивала в той или иной мере все сферы жизни российского общества, но непосредственно касалась взаимоотношений Российского государства с двумя ведущими мировыми державами — Великобританией и Францией.

Ко времени восшествия Павла на императорский престол для России стало уже прочной традицией выступать в международных делах в коалиции с Великобританией. Осенью 1800 года император Павел порвал с этой традицией и повел Россию на сближение со злейшим врагом Великобритании — наполеоновской Францией.

Совершенный Павлом I коренной поворот в российской внешней политике не был следствием случайного эмоционального всплеска, но представлял собой результат переосмысления им истории взаимоотношений Великобритании и России на протяжении XVIII столетия. Павел пришел к выводу о том, что британские правители использовали Россию в качестве инструмента проведения своих интересов на Европейском континенте¹ и что союз с Великобританией со многих точек зрения невыгоден Российскому государству.

1 октября 1800 года император Павел предложил графу Ф. В. Ростопчину, фактическому руководителю коллегии иностранных дел, изложить свои мнения об отношениях России с ведущими европейскими державами. На следующий день Ростопчин представил императору соответствующую записку. «Вашему Императорскому Величеству угодно было, — писал он, — повелеть мне вчерашний день представить на бумаге настоящее положение России в отношении ее с другими державами и заключить сие начертание собственными моими рассуждениями, предложив при этом удобные способы для охранения и впредь России от завистников ее славы и могущества, для обращения сих способов ей в пользу в нынешних замешанных Европейских обстоятельствах и приобретения

---

¹ Любопытно, что к такому же выводу пришел впоследствии и Карл Маркс, исследовавший документы британской внешней политики. Данный вывод был обоснован им в работе «Секретная дипломатия XVIII столетия». (См.: *Marx K. The Secret Diplomacy of Eighteenth Century. London, 1899*). В переводе на русский язык эта работа Маркса была издана только в конце 80-х годов XX в. Ее опубликовал журнал «Вопросы истории».

чрез то новых выгод на предъидущие времена»¹. Граф утверждал в своей записке, что целью Англии, в каком бы положении она ни находилась, является падение Франции, что «все виды Англии устремлены на присвоение себе единой всех выгод мирной торговли», что она «под видом соблюдения пользы общей обращала единственно в свою все те случаи, где находила возможность насильственно присвоить себе какое-нибудь право». В качестве наиболее яркой иллюстрации этого Ростопчин привел поведение Англии во время Французской революции, когда она, «проповедуя всем державам ревность свою на извержение Парижского угрожающего правления для возвращения паки Бурбонского разбежавшегося дома на престол, вооружала попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции и выпускала их на театр войны единственно для достижения собственной цели; овладела тем временем торговлею целого света»². В заключение своих рассуждений Ростопчин предлагал императору Павлу вступить в союз с Францией³. Его Величество начертал на этой записке Ростопчина следующую резолюцию: «Апробуя план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению онаго. Дай Бог, чтоб по сему было».

4 января 1801 года Павел отправил в Париж в качестве своего специального посланника С. А. Кольчева. В наказе ему, составленном двумя неделями ранее, император писал: «Желая умиротворить Европу, терзаемую уже 11 лет бичем войны, я решился вступить в прямые отношения с Французским правительством... Прибыв к Бонапарту, вы войдете в непосредственное сношение с ним и употребите все ваше усердие и ваши способности, чтобы привести дела к желаемой цели и утвердить соглашение на основании нижеследующих статей...»⁴ В этих статьях Павел формулировал условия, на которых он согласится вступить с Францией в союз и признать ее республикой. Помимо этих статей, Кольчев имел в своем распоряжении специальные указания своего императора для переговоров с

¹ Записка графа Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования // Русский архив. 1878. Кн. 1. № 1. С. 103.

² Русский архив. 1878. Кн. 1. № 1. С. 106.

³ Там же. С. 109.

⁴ Тайный наказ Императора Павла действительному тайному советнику Кольчеву // Русский архив. 1874. Кн. 2. Стлб. 966–967.

первым консулом Наполеоном Бонапартом. Павел I предписывал, в частности, своему посланнику расположить Бонапарта и склонить его к принятию королевского титула с престолонаследием в его семье. «Такое решение с его стороны, — отмечал Павел, — я почитаю единственным средством даровать Франции прочное правительство и изменить революционные начала, вооружившие против нее всю Европу»¹. В последнем пункте своих предписаний Колычеву российский император наказывал ему: «Не терять из виду, что намерение мое есть возратить спокойствие целой Европе и что, признавая Францию республикою, а Бонапарта государем, я хочу отнять у Австрии, Англии и Пруссии средство успеха в их системе расширять свои владения, каковая система также и даже более вредит общему благосостоянию, как и начала революционной Франции, и что, напоследок, я предпочитаю допустить существование одной гидры, чем видеть, как возникают многие и терпеть их». Внизу этих предписаний стояла дата — 29 декабря 1800 года.

Сближение России с Францией шло настолько стремительно, что уже в первой половине января 1801 года российский император и французский первый консул начинают подготовку совместного похода двух экспедиционных корпусов (по 35 тысяч человек каждый) в Индийские владения Англии.

12 января 1801 года атаман Войска Донского генерал от кавалерии В. П. Орлов получил из Санкт-Петербурга следующее послание: «Индия, куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговли, приобретенные или деньгами, или оружием, то и цель все сие разорить, а угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан и торг обратить к нам. Сие вам исполнение поручая, пребываю вам благосклонный Павел»². На следующий день генералу Орлову было доставлено еще одно послание императора: «Василий Петрович, посылаю вам подробную и новую карту всей Индии. Помните, что вам дело до англичан только, а мир со всеми теми, кто не будет им помогать; итак проходя, их уверяйте о дружбе России и идите от

¹ Русский архив. 1874. Кн. 2. Стлб. 970.

² Письма императора Павла к атаману Донского войска генералу от кавалерии Орлову-1-му // Русская старина. 1873. № 9. С. 409–410.

Инда на Гангес и там на англичан. Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась. В Хиве высвободите столько-то тысяч наших пленных подданных. Если бы нужна была пехота, то пришлю вслед за вами, а не иначе прислать будет можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сделали. Ваш благосклонный Павел»¹.

Направляя в Индию сухопутные войска, Павел распорядился снарядить для поддержки этого похода с моря три военных фрегата.

Позднее некоторые историки (Н. К. Шильдер и др.) будут писать о том, что никакой сколько-нибудь серьезной угрозы для Англии эта попытка Павла вытеснить ее из Индии не представляла². Однако паническая реакция британского правительства на дошедшие до него сведения о замыслах Павла полностью опровергает данное мнение. Ф. В. Ростопчин писал впоследствии: «Пред кончиною покойного государя, в 1801 году, Англия находилась в очень трудном положении. Ей грозила Франция, у нее отнимались все способы продовольствия и закрывались кораблям ее все европейские порты, кроме берегов Адриатического моря... Европа находилась в таком положении, что им можно было отлично воспользоваться для обуздания страшного самовластия Англии»³.

Что оставалось делать правительству Великобритании в таком положении? Воевать одновременно с двумя таким сильными державами, как Россия и Франция, было бы безумием. Очевидно, что у Великобритании имелся только один выход из катастрофического для ней хода европейских дел — убийство Наполеона Бонапарта или Павла I. О многочисленных заговорах и покушениях на жизнь первого консула Франции, организовывавшихся на английские деньги, можно прочесть почти в каждой из биографий Наполеона Бонапарта. Множество различных фактов свидетельствует, что заговор против императора Павла находился в этом же ряду.

Англия с давних пор имела в России свою опору в среде аристократии — целую группировку весьма влиятельных при императорском дворе англофилов. По некоторым данным, англофильство этой части русской аристократии регулярно стимулировалось солидными финансовыми вливаниями.

¹ Русская старина. 1873. № 9. С. 409–410.

² Это мнение высказывал и официальный биограф императора Павла Н. К. Шильдер.

³ Цит. по: *Буцинский П. Н.* Отзывы о Павле I-м его современников. С. 39.

Любопытно, что император Павел вызывал у русских англофилов откровенное восхищение. Признанный их глава С. Р. Воронцов писал 12 декабря 1796 года в письме к С. А. Колычеву: «Мы лишились великой монархини; но несомненно, что преемник ее будет великим и добрым государем... Мы знаем, что он сведущ и умен. Образ его действий по вступлении на престол свидетельствует о превосходном его характере и возвышенной душе»¹. О том, что «первые годы правления Павла ничем не разочаровали Воронцова», которого император так «высоко ценил», что «в начале 1799 года предложил занять пост государственного канцлера вместо умершего графа Безбородко», пишет в своей монографии, посвященной русским англофилам, современный английский исследователь Энтони Кросс². Но спустя некоторое время С. Р. Воронцов стал открытым и непримиримым противником императора Павла. Когда же и в связи с чем произошел этот переворот в воронцовском сознании? Энтони Кросс прямо указывает время и главную причину его — конец 1800 года, начало сближения Павла с Наполеоном Бонапартом.

Еще в середине 1799 года С. Р. Воронцов писал в одном из своих писем: «Я благодарю Всевышнего, что при конце моей жизни он дозволил мне дожить до сих счастливых времен, в кои царствует в моем отечестве Государь, столь великодушный и премилостивый...»³, а осенью того же года сочинял восторженные стихи о своем императоре⁴. Его славословия в адрес Павла I продолжались вплоть до осени 1800 года. С конца 1800 года он, находясь в Лондоне, уже открыто призывал в письмах к своим друзьям в России убить Павла⁵. В письме к Н. Н. Новосильцеву от 2 февраля 1801 года С. Р. Воронцов после сообщения о «безумии» Павла, «ежедневных жестокостях», якобы им совершаемых, восклицал: «Но это не действует на нацию и на тех, которые наиболее заинтересованы в ее

¹ Буцинский П. Н. Отзвыы о Павле I-м его современников. С. 27.

² Кросс Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. С. 41.

³ Цит. по: Буцинский П. Н. Отзвыы о Павле I-м его современников. С. 28.

⁴ Вот образец их —

«Российских он сынов
И слава, и любовь;
Драгия Павла дни,
Господь, продли!»

⁵ Одно из таких писем цитирует в своей книге о Павле I Н. К. Шильдер. (См.: Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 447–448.)

спасении. Кажется, будто оцепенение и дурацкая трусость обуяли все души»¹.

Британский посол в России Чарлз Уитворт раньше всех сторонних лиц почувствовал перемену в отношении российского императора к Великобритании. Он так же, как и русские англофилы, в течение первых лет правления Павла воздавал ему хвалу. Однако накануне своего удаления из Санкт-Петербурга, в марте 1800 года, резко изменил свое мнение о нем. Чарлз Уитворт был, пожалуй, одним из первых, если не первым, кто стал распространять слух о сумасшествии Павла. 6 марта 1800 года он заявил в своей депеше в Лондон: «The emperor is literally not in his senses (Император, говоря литературно, не в себе)... С тех пор, как он вступил на престол, психическое расстройство его стало постепенно усиливаться...»²

Подобную перемену отношения к императору Павлу во второй половине 1800 года проявили многие русские аристократы. Как уже отмечалось выше, по мнению современников тех событий, идею организации заговора против Павла подал Н. П. Панин. Так вот, высказываться эта идея стала именно с осени 1800 года, после того, как сделалось очевидным, что российский император отходит в своей внешней политике от союза с Великобританией к коалиции с Францией. А. Ф. Воейков писал в своих мемуарах, что британский премьер-министр Питт «с восторгом ухватился за нее, когда Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова (родная сестра г. Платона Александровича) сообщила ему ее, и щедро рукою отсыпал серебрянники: ибо между заговорщиками находился и Иуда предатель. Не знаю, как поделили их, но знаю, что огромные суммы остались у графа Палена, который не всыпал их в сокровищницу церковную и не удавился от раскаяния»³.

Историк Е. С. Шумигорский утверждал, основываясь на многих свидетельствах, о том, что с момента разрыва императора Павла с Англией «английские гинеи текли обильною рекою в руки Палена и других единомышленников чрез приятельницу Витворта О. А. Жеребцову, сестру Зубовых»⁴. П. А. Толстой рассказывал в

¹ Цит. по: *Буцинский Н. П.* Отзывы о Павле I-м его современников. С. 29.

² Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. М., 1996. С. 446.

³ Из записок А. Ф. Воейкова. Лейпциг, 1874. С. 79.

⁴ *Шумигорский Е. С.* Екатерина Ивановна Нелидова. СПб., 1898. С. 162.

свое время, что в марте 1801 года видел у Палена целые свертки английских гиней. Пребывая в отставке, Пален, играя однажды с Зубовым в карты, поставил на кон сразу 200 тысяч рублей¹.

А. Ф. Воейков с болью констатировал в своих записках: «В дворцовой революции 12 марта всего прискорбнее, всего ненавистнее для Русского то, что ее произвела не пламенная любовь к отечеству, не желание спасти граждан от тиранства; ее произвело личное мщение и золото Англии. Спросите у Ольги Александровны Жеребцовой, сестры Зубовых, она еще жива. Она была любовницей английского посла при российском дворе лорда Уитворта и тайным агентом Питта. Ее заговорщики послали в Лондон к Питту, который на упреки принца Conde в смерти Павла холодно ему ответил: “Qui m’importe comment, pourvu, que l’animal soit terrasse”²»³.

Не исключено, что мысль об устранении Павла I с российского императорского престола посредством узкой группы состоявших у него на службе сановников была действительно подсказана премьер-министру Великобритании Уильяму Питту через Ольгу Жеребцову самими этими сановниками. Им, выросшим в эпоху дворцовых переворотов, это должно было казаться вполне естественным. Но более вероятным представляется все же другое: Питт сам вбросил эту идею через кого-то (может быть, даже через Ольгу Жеребцову, любовницу посла Великобритании в России, или через самого Чарлза Уитворта) в среду российских аристократов. Основания для такого предположения есть, и весьма серьезные.

В 50-х годах XIX века Карл Маркс, работая однажды в Британском музее, обнаружил в коллекции английского историка Уильяма Коукса массу документов XVIII столетия, среди которых было множество писем и докладов от англичан, представлявших интересы Великобритании в России. Содержание найденных документов настолько заинтересовало теоретика «научного коммунизма», что он решил написать на их основе специальную работу. В августе 1856 – апреле 1857 года его произведение «Откровения из дипломатической истории 18 столетия» («Revelations of diplomatic history

¹ *Шумигорский Е. С.* Екатерина Ивановна Нелидова. С. 162. См. также: *Буцинский Н. П.* Отзыви о Павле I-м его современников. С. 41.

² Дословно: «Неважно как, лишь бы зверь был сражен».

³ Из записок А. Ф. Воейкова. С. 94–95.

of the 18-th century)» было опубликовано в еженедельной лондонской газете «Свободная пресса (Free Press)»¹. Четыре из пяти глав (1-я, 2-я, 3-я и 5-я) данного произведения составляли обширные цитаты из документов, обнаруженных К. Марксом в Британском музее. В заключение первой главы приводился текст сообщения, которое отправил из России в адрес Уильяма Коукса капеллан английской фактории в Санкт-Петербурге Л. К. Питт, являвшийся ближайшим родственником премьер-министра Уильяма Питта. По некоторым фактам, упоминающимся в данном сообщении, его можно уверенно датировать 1800 годом. Любопытно, что в верхней части рукописного оригинала этого документа стояла пометка, сделанная, как предположил Маркс, Уильямом Коуксом, — «To be burnt after my death (должно быть сожжено после моей смерти)». Почему данную бумагу предназначали к сожжению? Что опасного содержалось в ее тексте?

В сообщении капеллана Л. К. Питта речь шла о переменах во внешней политике России, произведенных императором Павлом. «Как известно, — писал Питт, — последние слова, произнесенные императрицей (Екатериной II), были адресованы ее секретарю, когда она отпускала его от себя в то утро, в которое ее хватил удар. “Скажи князю (Зубову), — сказала она, — чтобы он пришел ко мне в двенадцать и чтобы напомнил мне о подписании Договора о союзе с Англией”». Далее Питт завел речь о значении, которое имеет для Великобритании союз с Россией. «Узы, которые привязывают ее (Великобританию) к Российской империи, сформированы природой и являются нерушимыми, — заявил он. — Объединенные, эти нации могли бы смело противостоять объединенному миру; у разделенных, сила и значение каждой основательно уменьшаются. Англия имеет причину сожалеть вместе с Россией о том, что императорский скипетр используется так несообразно, но *единственным, кто разделяет империю, является государь России*» (выделено мною. —

---

¹ Впоследствии эта работа Карла Маркса была подготовлена его дочерью Элеонорой к изданию в качестве отдельной книжки. Она вышла в свет (уже после смерти Элеоноры) в 1899 году в Лондоне под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century». Под этим последним названием произведение Маркса затем выходило во всех последующих изданиях на английском и других языках. В собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, выпущенные в СССР, оно не включалось.

В. Т.). Данное свое сообщение капеллан Л. К. Питт завершает следующими весьма примечательными словами: *«Насколько человеческое провидение может в этот момент понимать, отчаяние разъяренного индивидуума кажется более вероятным средством покончить с настоящим мрачным положением, чем какая-либо более систематическая комбинация мер для восстановления достоинства и значения трона России»*. Можно предполагать, что совсем нехристианские рассуждения английского служителя христианской религии были доведены до сведения премьер-министра Великобритании. Л. К. Питт показывал в своем послании просто удивительную осведомленность о происходящем в покоях Екатерины II и при дворе Павла I, а кроме того, проявлял настолько необычную для простого английского капеллана степень заинтересованности в восстановлении союза России с Англией, что допускал в качестве средства достижения этой цели самые крайние меры. Трудно поверить, что такой человек мог быть послан в Санкт-Петербург только для отправления обязанностей капеллана.

Как бы то ни было, в своем послании к историку Уильяму Коуксу ближайший родственник премьер-министра Великобритании почти открыто заявлял о том, что наиболее вероятным средством привести внешнюю политику Российской империи в прежнее выгодное для Англии русло является убийство императора Павла. Ведь иначе как убийством государя, повернувшего Россию от союза с Англией к союзу с ее злейшим врагом – Францией, «разъяренный индивидуум» не мог «покончить с настоящим мрачным (для Англии. — В. Т.) положением». Пожалуй, именно из-за этих слов Уильям Коукс обрекал бумагу, на которой они были начертаны, к сожжению после своей смерти. Эти слова свидетельствовали о том, что идея убийства российского императора не только воспринималась английскими официальными лицами как вполне допустимая, но, по-видимому, именно в их среде и возникла.

* * *

Павел родился в летнем деревянном дворце императрицы Елизаветы. Взойдя на императорский престол в день Архангела Михаила, он повелел 20 ноября 1796 года «бывший летний дворец — на-

зывать Михайловским дворцом». 26 февраля 1797 года на месте этого дворца была произведена торжественная закладка здания Михайловского замка, который Павел предназначил для своей резиденции. «Я хочу умереть на том месте, где родился», — говорил он. Это трогательное желание Павла исполнилось без большого промедления и самым жестоким образом...

Заговорщики вошли в императорский дворец сразу после полуночи двумя колоннами. Одна — числом в 25–30 человек, под руководством Беннигсена с братьями Платоном и Николаем Зубовыми — проследовала через малые ворота, со стороны Летнего Сада. Другая — в 10–15 человек, во главе с Паленом — прошла парадным подъездом. Именно колонне Беннигсена предстояло сыграть главную роль. В ее составе были те, кто пылал самой неистовой ненавистью к императору. И путь, которым они пошли, был самым коротким к спальне Его Величества.

Со всех сторон дворец окружали войска под управлением верных заговорщикам офицеров. И караулами внутри дворца командовали те, кто поддерживал заговор. Тем не менее страх витал среди заговорщиков. Он охлаждал их разгоряченные вином головы. То один, то другой замедлял свои шаги, останавливался, уходил в сторону, исчезая в темноте коридоров.

Когда Беннигсен поднялся к покоям императора, с ним было от силы 8–10 человек — менее половины от вошедших во дворец. Однако это были люди, готовые на все. Страх по-прежнему терзал их души, но сознание, что отступление означает путь на эшафот, заставляло их действовать решительно и жестоко. Прежде чем попасть в спальню императора, заговорщики должны были пройти маленькую кухню, затем прихожую. Здесь им встретилось первое препятствие. Перед прихожей стоял часовой — рядовой гренадерского батальона лейб-гвардии Семеновского полка. Он мог поднять тревогу. Николай Зубов выхватил саблю и ударил ею часового — тот упал, обливаясь кровью. Дверь в прихожую была заперта на ключ, но заговорщики предусмотрели это и захватили с собой плац-адъютанта Аргамакова, который по утрам приходил к государю с докладами о происшествиях за ночь и был поэтому знаком его лакеям. Услышав голос Аргамакова, лакеи открыли дверь. Заговорщики набросились на них. Один лакей был сбит саблей с ног, но

другой каким-то образом увернулся от ударов и с криком бросился по лестнице, поднимая тревогу. Платон Зубов, и без того сам не свой от страха, в этот момент и вовсе растерялся. Повернув назад, он попытался скрыться, и другие уже были готовы последовать за ним, но сохранивший хладнокровие Беннигсен подбежал к Зубову и, схватив его за руку, выдохнул: «Как? Вы сами привели нас сюда и теперь хотите отступать? Это невозможно, мы слишком далеко зашли, чтобы слушаться ваших советов, которые нас ведут к гибели. Жребий брошен, надо действовать. Вперед!»

Подстегнутые этими словами заговорщики ринулись к государственной спальне. Дверь в нее была заперта, напор плеч — и она распахивается. Заговорщики бросаются к постели — она пуста! Вновь замешательство, и опять выручает всех Беннигсен. Спокойно подходит он к постели и щупает ее рукою: «Гнездо теплое, птица недалеко!» Несколько шагов по комнате, и взгляду Беннигсена, а затем и других предстает испуганный император, стоявший в ночной сорочке за ширмой...

Расправа была жестокой. Врачи, проводившие бальзамирование убитого, обнаружили побои на всем теле: следы ударов на голове, сильный ушиб виска, красные пятна на боку и на бедрах, кровоподтеки на коленях, широкий кровоподтек вокруг шеи. Многие удары были нанесены уже по мертвому телу...

Так погиб российский император Павел I. Деньги, выделенные на его убийство, не пропали даром. Его старший сын, взойдя на императорский престол, уже не помышлял о разрыве с Англией...

* * *

Первый консул Франции Наполеон Бонапарт, получив известие о смерти российского императора Павла, пришел в ярость. «Они промахнулись по мне в Париже 3 нивоза¹, — гневно кричал он, имея в виду англичан, — но попали в меня в Петербурге!»

---

¹ 3 нивоза 9 года Республики, или 24 декабря 1800 года по общепринятому в Европе Григорианскому календарю, на Первого консула Франции было совершено покушение. Наполеон Бонапарт чудом остался жив после взрыва «адской машины», заложенной в мостовую по пути его следования в оперный театр.

Бывший британский посол в России Чарлз Уитворт приятную для себя весть о гибели Павла I получил в Лондоне. Ровно через год после этого его назначили послом в Париж. 13 марта новый посол Великобритании представлялся первому консулу Франции. Наполеон Бонапарт кричал на него так, будто лорд Уитворт прибыл в Париж только для того, чтобы организовать его убийство...

Ольга Жеребцова новость о смерти императора Павла узнала в Берлине на балу у короля Пруссии. Она немедленно объявила о случившемся присутствовавшим на балу. При этом в ее голосе было столько радости, что гости подумали — женщина сошла с ума. Разразился большой скандал. К счастью для Ольги Александровны, ни прусский король, ни его гости не знали тогда о том, что русский император не умер, а был убит, и что в числе убийц были ее родные братья.

Петербургская аристократия, узнав о кончине ненавистного ей самодержца, впала в радостное безумие. Радовались и многие не слишком знатные дворяне. К вечеру 12 марта эти радостные выпили все имевшееся в городе шампанское, которое здесь никогда прежде — с тех пор, как петербуржцы начали его пить, — до конца не выпивалось.

Утром 12 марта о смерти императора Павла сообщили стоявшим в столице войскам. Одновременно начали представлять им нового императора. Лейб-гвардии Семеновский полк, шефом которого был Александр Павлович, ответил, как и надлежало, криком «ура». В остальных полках на сообщение о кончине Павла ответили молчанием. Но оцепеневшие шеренги и подрагивавшие линии штыков предельно ясно выражали господствовавшее настроение — гренадеры безмолвно... плакали!